

ПРОСТАЯ РАБОЧАЯ СЕМЬЯ

Среди экспонатов музея ОАО «ММК» хранится ... ордер на квартиру. Выписан он 6 марта 1932 года на право Лекарева В. С. вместе с семьей занять комнату в 24 квадратных метра в 14-й квартире дома № 24 по улице Пионерской.

История этого пожелтевшего от времени документа мне знакома давно: еще с 76-го года, когда в бытность тележурналиста в составе съемочной бригады ездила я снимать сюжет о золотой свадьбе Виктора Степановича и его жены, Клавдии Федотовны Лекаревых — основателей большой династии строителей города и работников металлургического комбината.

В год 60-летия Магнитки, я возвращалась в эту семью: восемь лет назад был очерк в «ММ», названный «На семи корнях». Но так-то видно участие очеркиста: со своими героями он не расстается в течение всей своей жизни, роднится сердцем. Вот и сейчас, на излете века, спешу к Лекаревым, чтобы застать в этом мире старейшего члена рабочей династии — Александру Ивановну.

Но — обо всем по порядку.

— Кто они, эти Лекаревы? — спросила молодая сотрудница редакции.

— Просто рабочая семья, — говорю.

— И все? — удивилась девушка.

Да, в общем-то все. Когда-то в газете частенько мелькали рубрики типа «Рабочие династии Магнитки», «Трудовые династии комбината». Затем они были заменены одной, более емкой — «Мой город, мой завод — моя судьба». Действительно, рабочий человек ощущал себя хозяином и города, и завода, а значит — своей судьбы. И пусть сейчас мы утверждаем, что ощущение это было иллюзорным, обманчивым. Оно было, и ничего тут не попишешь. К сожалению, сегодня основатели завода и города, люди, тяжелейшими совместными усилиями которых создано абсолютно все, что нас окружает, это ощущение утратили. С каждым днем их становится все меньше — один за другим они уходят в мир иной, унося в сердце незабвенную обиду.

Вот и Александра Ивановна Лекарева, которой в апреле пошел 90-й год, обижена — забыли о ней, даже открытки к празднику не пришли, а ведь раньше и во Дворец приглашали...

Она на удивление подвижна, даже молодая, несмотря на столь почтенный возраст и многочисленные болезни. Сохранила гибкий ум, цепкую память на имена, события, лица. Она по-прежнему читает газеты и следит за всем, что происходит в мире, судя обо всем по-житейски мудро.

— Зови меня баба Шура, — сказала мне она при встрече. — Какая у там Александра Ивановна — у меня уже двое праправнуков. Да, уже топчут землю представители шестого поколения Лекаревых. А поросль от семи корней пошла обильная, ветви ее уже не вмещаются в границы комбината. Потомки Лекаревых работают на метизно-металлургическом и калибровочном заводах, на Ремгорметмаше и в тресте Магнитострой, в горно-металлургической академии, на швейной фабрике и в тресте Водоканал — всех предприятий и организаций и не перечислить.

Но давайте вспомним о корнях этой многочисленной семьи, о тех, с кого она начиналась на Магнитке.

Их было семеро братьев: Виктор, Яков, Петр, Сергей, Василий, Иван и Александр Лекаревы. Первым приехал на строительство города в степи комсомолец Сергей. Было это в 31-м году. Красивые, вдохновенные письма писал он домой, в самарское село. И, когда до Поволжья докатилась волна повальной коллективизации, страший брат Виктор забрал жену и приехал строить Магнитку.

Виктор Степанович устроился работать в мартеновский цех, поступил в вечерний техникум — любое дело шло в руки трудолюбивому крестьянину. Почти сразу дали жилье — ту самую 24-метровую комнату на Пионерской, первой в юном городе улице. И хотя

она не отапливалась и была даже не оштукатурена, молодым супругам показалась она раем земным. А когда привели в порядок да установили железную буржуйку, так хороша показалась им комната, что тут же стали звать к себе всю остальную семью.

В 34-м перебрались в Магнитку Петр и Василий. В 35-м, забрав с собой двенадцатилетнего Ивана и девятилетнего Александра, прибыли на Пионерскую улицу родители — Степан Никитич с Ульяной Сергеевной. Последним приехал сюда Яков с семьей.

Александра Ивановна, баба Шура — жена Якова, второго по возрасту брата.

Многое повидали стены той исторической комнаты: сначала в ней вместе с родителями и детьми собрались 14 человек. Потом сюда же приехали родители Клавдии Федотовны, жены старшего из братьев Лекаревых, ее сестра и брат. В комнате было уже восемнадцать человек. Сегодня даже представить невозможно, как все они могли разместиться в этих 24 квадратных метрах. Ни разу не поссорились, у каждого были не только свои обязанности по домашнему хозяйству, но и свой укромный уголок. Старшие работали на комбинате, младшие учились.

Виктор Степанович и Клавдия Федотовна прожили на Пионерской всю свою жизнь до последнего часа. Здесь родились и выросли их дети. Сюда, как в родной дом, в ожидании собственного жилья по очереди вселялись многочисленные родичи. Сюда приходили они за советом и помощью. Здесь проводили все важнейшие семейные праздники. Отсюда Виктора Степановича проводили в последний путь.

Восемь лет назад я попыталась нарисовать что-то вроде генеалогического древа семьи Лекаревых, вместе с Александрой Ивановной мы решили посчитать, сколько в ней человек и каков их общий трудовой стаж на комбинате.

— Записывайте, — сказала тогда баба Шура и без запинки начала перечислять одного за другим: кто чей сын или внук, кого как зовут, где и кем работает, где учится.

Получилось 80 человек — это без зятеев, снох и приемных детей. А ихобщий стаж работы на комбинате к тому времени перемкнул за отметку 400 лет... Основные профессии Лекаревых — электрики и электромонтеры.

Четверо из семи братьев участвовали в Великой Отечественной войне. Домой с фронта вернулись только трое. В сентябре 41-го года осталась вдовой Александра Ивановна Лекарева, моя ныне почти 90-летняя соседница. Тогда же ей было только 34 года... Но так любила она своего Яню — Якова Степановича, что о новом замужестве и не помышляла. Растила троих детей, работала сначала в столовой НКВД, затем на заводе Ремгорметмаш. Много лет живет баба Шура с семьей сына Геннадия, теперь уже Геннадия Яковлевича. Помогала растить и воспитывать внуков, правнуков. Теперь уж, в силу возраста и здоровья, обязанностей у нее немного. Но не сидит баба Шура без дела: все хлопочет по дому, чем порой немало сердит сноху и сына.

— Да посиди ты спокойно, мама! — говорят они. — Какая же ты беспокойная — сами мы справимся.

Бежит время. Вот теперь уже Геннадий Яковлевич — самый старший в комбинатской династии Лекаревых. И, хотя возглавляет он цеховой комитет в пятом пистопрокатном, ни о каких династических льготах не помышляет. Такая уж фамилия: Лекаревы всегда были первыми в работе, а не в очереди за льготами...

В. МИНУЛЛИНА.

Комсомольская площадь 30-х годов. Фото из архива А. КНЯЗЕВА (автор неизвестен).

И все же есть поддержки

— В прошлые годы ко дню города строители обычно готовили богатые рапорты о пущенных объектах, — говорит главный технолог «Магнитогорскинвестстроя» Г. М. Антонов. — В последние годы таких рапортов нет. Нынешний день города — не исключение. За последний год приняты в эксплуатацию всего три жилых дома: два в 142 микрорайоне и третий — в 133 — скандально известный свердловский дом на улице Завенягина. Пусковым является единственный детский сад в 142-м микрорайоне. С огромными трудностями, в основном из-за нехватки средств, продолжаем строительство почечного центра в первой горбольнице и корпуса психиатрической больницы в станице Магнитной. Пытаемся возобновить строительство театра «Бура-тино».

— А кардиологический центр, а комплекс УВД, а детский ледовый дворец, — под-сказываю Антонову адреса пусковых объектов.

— Да, благодаря комбинату появились эти заметные и очень нужные объекты. Правда, новостройкой из них является только детский ледовый дворец. Подарок городу замечательный, — оживает Герман Михайлович.

Из городского бюджета на возведение

ледового дворца не истрчено ни копейки. Объект получился уникальный. По крайней мере в Урало-Сибирском регионе, а то и в России ничего подобного пока нет. И дело не только в привлекательности внешнего облика, достигнутого благодаря применению уникальных стройматериалов. Уникальность обеспечивается главным образом техническим оснащением дворца.

Три датских компактных, но мощных холодильных компрессора заменили три грохочущие громадные, что едва справлялись с одним ледовым полем большого дворца. Новые компрессоры будут обеспечивать холодом две игровые площадки. А комфорт, тепло во всех помещениях нового спортивно-оздоровительного комплекса будет поддерживать маленькая фабрика тепла, помещившаяся в двух установках, по размеру не больше крупного чемадана каждая. Смотришь на эту, с позволения сказать, котельную и отказываешься верить, что эти элементы смогут вырабатывать тепла, которого хватит для отопления 300 тысяч кубометров объема дворца и административно-бытового корпуса.

Здесь две бани: турецкая и финская. А как и откуда, интересуюсь, будут подаваться в них жар-пар? Показывают маленький ящик, установленный между дверями двух бань и утверждают, что это и есть установка для выработки сухого пара. Недоверчиво смотрю на коробочку и бормочу: «Что только не придумают эти проклятые капиталисты!»

Приятно поражают и специальная ванна с набором процедур подводного массажа, и специальные кабины циркулярного душа и других водных процедур для снятия физического напряжения.

Спортивный зал с баскетбольными щитами и крюками для волейбольной сетки, тренажерный зал с набором дороговатоющих снарядов, раздевалки, душевые, физиотерапевтические кабинеты — все это и многое другое будет вскоре передано в безраздельное владение магнитогорских ребят.

Подарок городу действительно замечательный.

М. ХАЙБАТОВ.

В МОЕЙ СУДЬБЕ ТЫ СТАЛА ГЛАВНОЙ...

Ругаем порой свою нынешнюю жизнь, клянем местные порядки, а задай вопрос любому магнитогорцу: любишь ли место, где живешь? не мечтаешь ли испытать судьбу, где лучше? — как один встанут на защиту своей маленькой родины. Так обычно относятся к матери: хоть и терпят, бывает, несправедливость, но и лаской не обделены. И любят не за что-нибудь конкретно, а за то, что — родная.

Если переиначить известную песню, про наш город можно спеть: «Есть города центральные, хорошие и разные, но мне милей и радостней моей Магнитки нет».

Так что же значит в судьбе и жизни каждого из нас Магнитогорск?

Мадина АХМЕТКУЖИНА, работница комбината:

— Мой город для меня — начало всех начал. Вся наша семья — магнитогорцы, отец всю жизнь отработал на комбинате, я здесь уже 15 лет, и довольна. А если сравнить с другими местами, так у нас жизнь еще более-менее сносная. Люблю Магнитку...

Андрей ВОЛКОВИЧ, бригадир слесарей копрового цеха:

— Что сказать про родной город? Нравится — и все. Я уже из четвертого поколения магнитогорцев, воспитываю четырехлетнюю дочь. Родственники с Украины приезжали, говорят: у вас лучше. Политика у них какая-то странная, хотя и наша вызывает удивление.

Наталья Михайловна АНДРЕЕВА, диспетчер цеха водоснабжения:

— Мы здесь корнями приросли: родились, работаем, живем... Трудюсь на комбинате, родители по три десятка лет отдали предприятию, и дети мои — истинные магнитогорцы. К сожалению, нашим горожанам не хватает доброты. Была в Ульяновске — разница заметна: волжане более доброжелательны, отзывчивы. У нас бы нервозность, снать, побольше бы справедливости да цены пониже, и — жить можно.

Евгений Максимович ЗЫКОВ, бывший работник сталелитейного цеха:

— В Магнитогорске родился, здесь и жизнь закончу. Дети живут рядом, внуки подрастают. В свое время уезжал в Крым, но вернулся. Лучше Урала нет! Че-

стно говоря, меня всегда жизнь в Магнитке устраивала. И сейчас устраивает. Единственное пожелание: чтобы пенсию вовремя выдавали. А если что-то и не так, думаю, молодые разберутся. Я им доверяю.

Тамара Ивановна и Виктор Федорович КУДИМОВЫ, ветераны ММК и города:

— Родители наши — перво-строители Магнитки, простые рабочие. Но мы жили в такое время, когда каждый мог выбрать себе жизненный путь по душе. Оба закончили институт, Виктор Федорович вырос до начальника обжимного цеха, я работала инженером, старшим инженером, руководителем группы в заводоуправлении. Сегодня происходит что-то страшное: утрата совести, чести, порядочности. Никто не хочет учиться, все кинулось в торговые палатки и ларьки. Хотя в последнее время молодежь, кажется, одумалась, и учебные заведения не пустуют.

Николай Николаевич СИДОРОВ, бригадир склада металла ЦМК:

— Это моя родина. В своей жизни встречал два места, которые отличались особой гордостью: Магнитка и Омск. Омичи, пожалуй, больше гордятся своим городом. Почему? Наверное, патриотизма больше. В былые годы и у нас так было: приезжаешь в Магнитку, и уже с вокзальной площади ощущаешь какую-то необыкновенность. Может, потому и вернулся сюда вновь, прожив в другом городе три года.

Юрий Геннадьевич АХАИМОВ, мастер, 33 года:

— Я не мыслю себе жизни в

другом месте. Уезжал на пять лет и вернулся. Город наш нормальный, и мне нравится сегодняшняя жизнь: в очереди за колбасой не стою. Трудности? И они преодолимы: не хватает денег — подрабатывай. Единственно, что хотелось бы — стабильности, беспокоеит падение производства комбината. И все же, как говорят, надежда умирает последней. В конце-концов правительство должно что-то предпринять, чтобы промышленность не развалилась окончательно. Я в это верю.

Тамара Николаевна РОЖНОВА, 45 лет, приезжанка:

— Вы, местные, не цените того, что имеете. Я — с Узбекистана, вынуждена приезжать сюда летом, чтобы хоть как-то прокормиться. У нас жить просто невозможно: работы нет, а цены баснословные. Перво-классный машинист тепловоза получает 2000 сум или 200 тысяч по-вашему. Упаковка маргарина «Рама» стоит 220 сум, на ваши деньги — 22 тысячи, сахар 160 сум, то есть 16 тысяч за килограмм. Хотя фрукты свои, но варенье без сахара не сварить. На лето приезжаю с сыновьями поведаться, которые уже три года, как обосновались здесь. Но кормлю себя сама: пеку на продажу. Дома мой барыш от «бизнеса» составляет копейки, на которые могу купить только буханку хлеба да два бульонных кубика. Встаешь утром с думой, чем семью кормить, и засыпаешь с тем же. А в Магнитке прожить можно, только не ленись.

Спрашивала
Н. БАРИНОВА.